DK265.17
.G87
1921

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK265.17
.G87
1921

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
Form No. 513			

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/urokigrazhdansko00guse

Р. С. Ф. С. Р. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

при

РЕВОЛЮЦИОННОМ ВОЕННОМ СОВЕТЕ РЕСПУБЛИКИ

DK 265.17
.G87
1921

С. И. ГУСЕВ

УРОКИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Издание 2-е, переработанное и дополненное

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1921

1.752

Газ. № 2130. Литревсор. № 290. Тир. 20.000. экз.
Р. В. Ц. № 1 27-я типография М. Г. С. Н. Х. Москва.

ПРЕДИСЛОВИЕ ко 2-му ИЗДАНИЮ.

Я не предполагал, что мне придется выпустить 2-е издание настоящей брошюры: написана она была для заграничных товарищей и лишь в небольшом количестве выпущена на русском языке. Однако, ряд требований на брошюру со стороны русских товарищей побуждает меня выпустить ее 2-м изданием. Загруженность работой не дала мне возможности основательно пересмотреть всю брошюру заново. Поэтому я ограничился лишь несущественными изменениями: выброшены все приложения (которые для русских товарищей интереса не представляют), дополнен параграф о милиционной системе (в связи с постановлениями X съезда Р. К. П.), сделаны также небольшие дополнения по вопросу о партийной организации в Красной армии.

Кроме того, в остальных параграфах сделаны незначительные изменения и поправки.

УРОКИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Социалистическая революция есть революция международная. Опыт русской революции—этого первого акта социалистической революции—в силу этого приобретает международное значение. Многое из того, что проделано русским пролетариатом в области строительства советского государства, западно-европейскому пролетариату придется повторить, вплоть до некоторых „ошибок". Многое другое придется отбросить целиком, как непригодное для передовых капиталистических стран.

Трехлетняя гражданская война внутри Советской России дает богатейший материал для выводов о характере и особенностях гражданской войны в эпоху социалистической революции. Из этого опыта наши западно-европейские товарищи могут, пожалуй, черпать более, чем из других областей советского опыта. Подведение итогов этого трехлетнего опыта, установление основных особенностей современной гражданской войны и строительства Красной армии имеет поэтому не только научно-историческое значение, но и практическо-политическое.

Буржуазия всех стран чутко учитывает военные уроки Русской гражданской войны, делает из них практические выводы и начинает спешно готовиться к будущим битвам и формировать верную и послушную ей вооруженную силу. Она учла, что на старую армию в гражданской войне полагаться нельзя, что революция сопровождается быстрым разложением и распадом старой армии. Вот почему во Франции, под названием „Гражданской Лиги", создается отборная добровольческая буржуазная гвардия. Вот почему в Германии, кроме уже существующей в лице правительственных войск буржуазной гвардии, возникает ряд явных и тайных организаций для вооружения буржуазии, среди которых наибольшей известностью пользуется организация полковника **Эшериха** („Оргеш"). Вот почему в Англии организуются антирабочие добровольческие союзы. Вот почему в Америке формируются многочисленные наемные и добровольческие отряды для борьбы против рабочих забастовок и восстаний.

Буржуазия серьезно и деловито готовится к предстоящим боям гражданской войны. Нужно готовиться и пролетариату. А для этого необходимо прежде всего учесть уроки гражданской войны в России.

Классовая обстановка гражданской войны. Что такое гражданская война? Гражданская война в эпоху социалистической революции есть война между двумя классами—буржуазией и пролетариатом.

Вопрос до последней степени упростился бы, если бы в капиталистических обществах были только эти два класса. Но на деле во всех капиталистических странах существуют промежуточные классы и слои, да и самые классы буржуазии и пролетариата не являются едиными, однородными, выкованными из одного куска. В общем и целом, однако, все население данной страны в эпоху социалистической революции, несмотря на большое разнообразие политических взглядов и настроений, особенно в начале этой эпохи, по вопросу об отношении к гражданской войне совершенно явственно разбивается на три группы: 1) группа активной контр-революционной буржуазии (крупная бюрократия, большая часть офицерства, помещики, финансовая буржуазия, с частью „стригущих купоны“ рантьеров, крупная и средняя промышленная буржуазия, духовенство, кулаки, часть „подкупленных“ капиталом городских и часть самых темных сельских пролетариев, все деклассированные элементы, вся полиция и жандармерия и, наконец, часть высококвалифицированной интеллигенции, находящейся на службе у капитала—юристы, врачи, газетные писаки, профессора, учителя высших и средних школ, инженеры, управляющие фабриками, поместьями и проч.); 2) группа активного революционного пролетариата, в которую входят: различные слои промышленного и сельского пролетариата, городская и деревенская беднота (мелкие ремесленники и крестьяне, мелкие торговые служащие), незначительная часть офицерства и особенно низшего командного состава и незначительная часть интеллигенции; 3) промежуточная пассивная мелкобуржуазная группа, колеблющаяся между революцией и контрреволюцией, примиренческая, враждебно настроенная против всякой классовой борьбы и классовой войны, трусливая, ищущая всевозможных способов обойтись без борьбы, „обойти“ войну и все же непрерывно вовлекаемая в борьбу обеими активными группами. Это прежде всего вся городская и деревенская мелкая буржуазия, все пролетарские слои, зараженные мелкобуржуазными иллюзиями на счет „гражданского мира“, часть офицерства и большая часть интеллигенции.

Относительные силы этих трех групп в различных странах различны. В России относительно слабы крайние группы и очень велика, многочисленна промежуточная; в развитых капиталистических странах крайние группы значительно сильнее, а промежуточная малочисленнее, слабее. Повсюду можно нащупать эти три основные классовые группы.

Такова „классовая обстановка“ (соотношение классов) гражданской войны в эпоху социалистической революции. Эта обстановка дает ряд стратегических, тактических и организационных выводов, неоднократно проверенных и подтвержденных на опыте русской революции. Перечисленные три основные группировки не отделены друг от друга китайской стеной, не размежеваны территориально, а наоборот, перемешаны и переплетены между собой и рассеяны по всей территории страны. Если в ходе гражданской войны обеим активным группам удается своей вооруженной силой захватить часть территории, то и на этих участках, где господствуют, с одной стороны, буржуазная, а с другой—пролетарская диктатура, проявляется все то же деление на три группы. Разница только в том, что на территории буржуазной диктатуры революционной пролетарской группе приходится вести свою работу нелегально, а на территории пролетарской диктатуры то же приходится проделывать контр-революционной группе. Промежуточная же группа, которой тяжела и нередко невыносима и та и другая диктатура, на территории буржуазной диктатуры обнаруживает тягу к пролетарской, и наоборот, на территории пролетарской диктатуры тянется к буржуазной. В ходе развития гражданской войны промежуточная группа неоднократно „пробует“ и ту и другую диктатуру и в конечном счете, скрепя сердце, вынуждена остановить свой выбор на пролетарской диктатуре.

Фронт гражданской войны. Раз основные классовые группировки перемешаны между собой и рассеяны по всей территории страны, с преобладанием в отдельных районах одной из групп, то элементы гражданской войны, мелкие местные соединения революционных и контр-революционных сил, мелкие местные красные и белые отряды, легко возникают везде. Таким образом, в отличие от обычных войн против иноземного неприятеля, в гражданской войне нет определенной, точно фиксированной линии фронта, в гражданской войне фронт везде, и спереди, и сзади, и на сбоих флангах. В первый период гражданской войны, когда пролетариат завоевывает власть, эта сторона дела выражается в ряде мелких местных восстаний, не объединенных организационно, что является величайшим недостатком этого периода и обязывает коммунистические партии приложить все усилия к тому, чтобы, удерживая отдельные отряды революционного пролетариата от разрозненных местных восстаний, объединить их организационно и слить в одно общее восстание. Опыт русской революции (особенно апрельское и июльское стихийные выступления пролетарских масс и аграрные восстания в деревне в эпоху Керенщины по сравнению с октябрьским организованным и планомерно подготовленным партией восстанием), а также опыт необъединенных местных восстаний германского

пролетариата наилучшим образом показывает всю колоссальную важность организованности, единства, централизации руководства в первый период гражданской войны. Этот период есть период стихийного роста революционного пожара, и потому тем более важно внести в эту стихию известное руководство.

Во второй период гражданской войны, когда пролетариат захватил уже власть на всей территории страны или на значительной части ее в свои руки и сумел удержать ее против первого натиска контр-революции, вездесущность фронта гражданской войны выражается в ряде белогвардейских местных восстаний в тылу и на „флангах“ революционного фронта, а также в ряде местных красных восстаний в тылу и на флангах белогвардейского фронта. В этом отношении оба фронта —и красный и белый—находятся в одинаковом положении. Вездесущность вражеского фронта, угроза фронту со всех сторон—спереди, сзади, с флангов, проникание в ряды вражеских элементов в целях разложения их,—все это вынуждает обе стороны устраивать на своей территории „стратегические карре“. По сравнению с обычными войнами против чужеземного врага приходится каждой стороне создавать несравненно более мощный аппарат для борьбы с „внутренним врагом“ и с тайными организациями противника. Примерно эти размеры можно определить, если посмотреть на себя, как на чужеземного завоевателя, оккупанта, занявшего вражескую страну, в которой значительная часть населения безусловно враждебна по отношению к завоевателю. На территории пролетарской диктатуры пролетариат является „чужеземным завоевателем“ по отношению к контр-революционной буржуазии. На территории буржуазной диктатуры буржуазия играет роль „чужеземного завоевателя“ по отношению к революционному пролетариату. Если в отношении организационного уменья по части устройства всяких охранок и контр-разведок, а также шпионажа, белые несравненно более богаты опытом, чем красные, то, с другой стороны, у красных (особенно, когда промежуточная группа окончательно начинает поворачивать в сторону пролетарской диктатуры) есть то преимущество, что подавляющее большинство населения на их стороне. Таким образом, в процессе развития гражданской войны красные все более выходят из положения чужеземного оккупанта и все более становятся действительными хозяевами своей страны, а белые, наоборот, из хозяев своей страны все более перерождаются в чужеземных оккупантов. Если в России этот переход на сторону пролетариата подавляющего большинства мелкобуржуазной крестьянской массы, после ряда колебаний, явился в результате весьма длительной гражданской войны, то в передовых капиталистических странах эта предпосылка торжества социализма в значительной степени дана заранее.

Мы видим, что в силу классовой обстановки гражданская война богата партизанскими действиями (местные восстания в тылу). Но она ни в коем случае не исчерпывается ими. Как ни велико их значение, решающая роль все же остается не за партизанским, а за „регулярным“ фронтом,—за фронтом, который образуется на границах территории пролетарской диктатуры. Как только пролетариат захватил власть на известной территории, пред ним немедленно встает вопрос о необходимости охраны границ этой территории от неизбежных попыток буржуазии раздавить всякое возникшее в результате революционного восстания пролетарское государство. Таким образом, фронт гражданской войны приобретает более определенные и более устойчивые очертания, („регулярный фронт“), не теряя в то же время своего характера „вездесущности“ („партизанский“ фронт). Усилия пролетарского государства должны быть в равной мере направлены на оба эти фронта. Организация восстаний и партизанских отрядов в тылу буржуазной диктатуры, а также организация политической работы в этом тылу, для чего должны быть созданы постоянно действующие органы, имеющие через партийные организации связь с вражеским тылом, борьба против белогвардейских восстаний в своем собственном тылу, имеют в гражданской войне не менее важное значение, чем охрана границ территории пролетарской диктатуры.

Армия гражданской войны. Гражданская война есть война классов. Поэтому каждый класс может опираться в гражданской войне исключительно на свою классовую армию. Условия создания своей классовой армии однако для буржуазии и пролетариата существенно различны. На стороне пролетариата подавляющее большинство населения. Буржуазия же не имеет опоры в широких рабоче-крестьянских массах.

Поэтому „чистая“ белогвардейская (офицерско-помещичье-буржуазная) классовая армия, состоящая из высококвалифицированных, богатых военными знаниями и опытом (офицерские батальоны) бойцов, управляемая талантливейшими и опытнейшими специалистами, не может быть численно велика. После разложения старой армии, в результате 4-хлетней войны и революционных движений во всех втянутых в войну странах, обе стороны приступают к организации своих классовых армий. Буржуазия по мере развития гражданской войны, в виду малочисленности ее чисто-классовой армии, вынуждена вербовать в свои высокообученные части чуждые им, нередко враждебные элементы, черпая их из промежуточной группы. Этим самым ухудшается качество ее отборных войск, а главное—вносятся в их ряды начала разложения и неустойчивости. Поэтому белогвардейцы вынуждены очень торопиться, чтобы, во-первых, разлагающие начала не успели проявить свое действие, чтобы, во-

вторых, не дать времени красным собраться с силами, чтобы, наконец, покончить с ними одним быстрым ударом. Большие военные знания и организационный опыт дают им возможность действительно опережать в организационном строительстве своих частей красные части. Вот почему на первых порах они, имея такие преимущества, как военные знания и организационный опыт, а также высокообученные войска, одерживают победы над красными частями. История Колчака, Деникина, Врангеля подтверждает, что все они вынуждены были действовать наспех, с налету, кавалерийскими методами наезда и (что самое существенное) жертвовали планомерным длительным строительством, рассчитанным на долгий период и на прочные завоевания, ради немедленных успехов. Поэтому они гораздо быстрее красных частей истощали свои людские запасы и вынуждены были вливать в свои части пленных красноармейцев, тем самым разлагая свои части и ослабляя их.

В ином положении находится пролетарская власть. „На другой день после социальной революции“ она еще не имеет своего нового государственного аппарата взамен разрушенного старого, кроме разве многочисленных отрядов партизанского типа, вышедших из бушующих недр восстания и организационно слабо связанных между собою. Эти отряды, эти зачатки будущей Красной армии, горящие разрушительными и отрицательными стремлениями ко всему старому, а особенно к старой регулярной армии, должны еще перебродить, чтобы вновь уложиться в рамки регулярной армии. В России потребовалось несколько месяцев для того, чтобы Коммунистическая партия пришла к выводу о необходимости регулярной армии. Борьба же с партизанскими стремлениями (особенно на Украине) продолжается и доныне. Этой ошибки коммунистические партии передовых капиталистических стран могут и должны избегнуть. Могут потому, что перед ними есть уже опыт русской Красной армии и „классовая обстановка“ у них несравненно благоприятнее. Должны не только потому, что не следует повторять русских ошибок, но, главным образом, потому, что западные контрреволюционеры учли уже опыт русских контр-революционеров и уже теперь, еще до захвата власти пролетариатом, организовали свои белогвардейские армии. В России, в эпоху Керенщины, не было никаких вооруженных отрядов, кроме разложившейся старой армии да нарождающихся „большевистских“ отрядов. Контрреволюции не на что было опереться. В Германии, в эпоху Шейдемана-Носке, возникают белогвардейские войска, регулярно сформированные. Поэтому теперь, после опыта русской революции, западно-европейским пролетариям даже в первый период гражданской войны, в период завоевания власти пролетариатом, надо готовиться к тому, чтобы сделать переход от партизанских

отрядов к регулярной армии наиболее быстрым. Большинство населения на стороне пролетариата. Источники пополнения людьми для красных армий в условиях гражданской войны, особенно на Западе, несравненно богаче, чем для белых. Пролетарская власть, имеющая вначале очень слабый государственный аппарат, при почти полном отсутствии опытных в военном деле организаторов, не имеет возможности строить так быстро, как белогвардейцы. Отсюда вывод не тот, конечно, что не нужно торопиться, а наоборот, как раз противоположный: нельзя медлить ни единого часа, ни единой минуты. Первая и единственная задача захватившего власть пролетариата—это немедленная организация Красной армии, слияние вышедших из восстания отрядов в регулярные части, пополнение их, создание новых единиц. Неисчерпаемость пополнений Красной армии, особенно по сравнению с белогвардейскими резервами, дает величайшую гарантию в ее конечной победе. Но необходимо с первых же часов победы противопоставить искусным, отборным белогвардейским отрядам хотя бы и слабо обученные, но правильно сформированные красные части в числе, по меньшей мере вдвое превышающем белогвардейцев. Это—единственная возможность уменьшить первые неизбежные поражения.

Организационная работа по строительству Красной армии приобретает в силу этого совсем иной характер, чем строительство белой. Она рассчитана на длительный тяжелый период гражданских и революционных войн, она не может, а поэтому и не должна ставить себе задачей коротким ударом, с налету раздавить неизбежно длительное сопротивление буржуазии. Именно после потери власти буржуазия переполняется неслыханным классовым бешенством и делает, несмотря на повторные неудачи, ряд попыток свергнуть пролетарскую власть. В результате гражданская война приобретает затяжной характер непрерывных, почти без всякой передышки, боев между пролетариатом и буржуазией, как в первый, так и во второй ее периоды. На эту длительную борьбу и должна быть рассчитана вся организационная работа пролетариата. Строительство Красной армии все более приобретает характер планомерности и регулярности. Пролетариат во второй период гражданской войны переходит к регулярной Красной армии. Красные армии „завоевывают“ все более „нейтральную“ промежуточную, мелкобуржуазную группу и приобретают новые источники пополнения, белогвардейцы же все более утрачивают этот источник пополнения. Вот почему русская Красная армия именно к концу гражданской войны, несмотря на чрезвычайное истощение рессурсов и усталость пролетариата и крестьянства, несмотря на большие жертвы и потери, оказалась организованной наиболее планомерно, наиболее крепко за все три года войны, а белые армии неизменно разлагались и гибли.

Характерные особенности армий гражданской войны. Непрерывность гражданской войны и необходимость для обеих сторон одновременно вести войну и формировать вооруженные силы приводит к тому, что обе стороны имеют слабо обученные войска, обучение производится наспех и нередки случаи, когда приходится бросать на фронт почти совсем необученные части. Однако, преимущество в этом случае на стороне белых, которые, благодаря обилию офицеров, не только могут формировать отборные высокообученные офицерские батальоны, но и для остальных частей имеют возможность выделять очень значительное число офицеров. В армиях Колчака, Деникина и Врангеля почти все части имели одного офицера на 5—10 бойцов.

Слабая обученность бойцов и слабая сколоченность частей ведет к их неустойчивости. К этому присоединяется еще то, что обе стороны вынуждены черпать свои резервы из мелкобуржуазных элементов, в результате чего широко наблюдается переход этих элементов на сторону противника.

Мобилизованные белогвардейцами крестьяне целыми полками сдаются или переходят в ряды Красной армии. И наоборот: из Красной армии перебегают к белым также целые крестьянские части. Мотив при этом один и тот же у обеих полевинок перебежчиков: гражданский мир. Это явление приобрело в России одно время, особенно в 1918 году, большое распространение. Для предотвращения перехода на сторону противника белые вливали в ряды бойцов значительное количество офицеров (10—50%), а красные—не меньшее количество коммунистов и рабочих. В такой крестьянской стране, как Россия, пролетариат не мог не построить своей классовой армии на совершенно особых началах, вливая в свои пролетарские кадры широким потоком принудительно мобилизуемое крестьянство. Переходы на сторону белых—неизбежный результат такого способа построения русской Красной армии. На западе, в силу несравненно большего классового расслоения деревни и гораздо большей численности городского пролетариата, Красная армия будет значительно „чище“ по своему классовому составу, но и там придется,—понятно, в меньшей мере,—считаться с неустойчивостью мелкобуржуазных элементов.

Гражданская война есть наиболее ожесточенная, наиболее непримиримая война. Бои ведутся на полное физическое истребление противника. Они кончаются либо решительной победой, либо решительным поражением. Бои с нерешительным исходом редки. Неустойчивость мелкобуржуазных элементов усиливает и подчеркивает оба случая: при победе они неудержимо стремятся вперед в надежде поскорей покончить с войной и разойтись по домам. При поражении они пользуются случаем дезертировать, либо массами сдаются в плен или же переходят на

сторону неприятеля все в той же трепетной надежде поскорее избавиться от войны.

Частый переход мелкобуржуазных элементов на сторону неприятеля побуждает обе стороны отказаться от первоначальной непримиримости гражданской войны и не только не истреблять пленных, но, наоборот, мягким отношением привлекать их на свою сторону. Это впрочем относится только к этой „примиренческой" внепартийной массе пленных. Пленных коммунистов белогвардейцы неизменно расстреливали. Наиболее контр-революционное офицерство, вопреки ряду приказов, подвергалось той же участи непосредственно на месте боя. Только мелкобуржуазной массе удалось на фронте гражданской войны устроить свои делишки, обезопасить себя и тут и там и наложить на ее непримиримость значительную печать „примиренчества". Непримиримость гражданской войны, с одной стороны, и слабая сколоченность ее армий—с другой, приводят к тому, что эти армии легко поддаются порыву во время боев и способны совершать переходы, которых не знают старые армии, и вообще переносить гораздо большие тяготы войны. Но это до тех пор, пока они победоносно идут вперед. Отступление быстро разлагает их, а потому планомерный отход—большая редкость в гражданской войне. Отступление приобретает характер паники. Не меньшее разложение вызывается в их рядах продолжительным стоянием на месте, при отходе их в тыл на отдых и т. п.

Нежелание мелкобуржуазных масс участвовать в войне толкает их на дезертирство, особенно при мобилизациях. С фронта дезертирство реже, так как обе стороны имеют вблизи боевых линий заградительные отряды. Укрываясь от мобилизаций, дезертиры образуют обширные дезертирские банды, прячущиеся в лесах и горах. Отсюда их название „зеленые армии". Эти „зеленые" армии наносят существенный ущерб тылам обеих сторон.

Все эти явления наиболее ярко выражены в России—стране с огромным преобладанием крестьянства и с неизмеримой территорией. На Западе они несомненно будут значительно слабее, хотя и там с ними придется считаться.

Особенности строительства армий гражданской войны. Непрерывность гражданской войны вносит в строительство армий гражданской войны своеобразную особенность.

Выражаясь фигурально, армии организуются и строятся „под огнем", непосредственно на фронте. Нет времени, некогда где-то в далеком тылу заблаговременно формировать части. Все добровольцы и мобилизованные, особенно в начале гражданской войны, в силу необходимости, вливаются тотчас же в действующие части, батальоны на фронте развертываются в полки, слабые по своему численному составу полки или отряды сли-

ваются в один полк, полки спешно сводятся в дивизии и т. д. На фронте кипит не только бой, но и огромная организационная работа. Запасные батальоны дивизий, запасные полки армий превращаются в силу этого в управления формирований. При фронтовом командовании возникают специальные запасные армии, задача которых — военная и политическая обработка прибывающих из тыла пополнений и формирование всякого рода частей и отрядов специальных родов оружия. При армиях также возникают и учебные команды и различного рода курсы командного состава. Это, пожалуй, наиболее характерная черта, отличающая Красную армию от всех прежних; две трети регулярных частей русской Красной армии было сформировано или доформировано непосредственно фронтовым командованием, а не общерусским тыловым военным центром, главным штабом. Работа последнего сводилась по преимуществу к учету и мобилизации. В последний период гражданской войны (с середины лета 1919 г.) фронтовые запасные армии отделились в виде мощных аппаратов от фронтового командования и превратились в общерусские центры формирования и обучения, явно вытеснившие аппараты Всероссийского главного штаба. Несмотря на чрезвычайные усилия, попытка поставить с самого начала формирование Красной армии посредством мощного центрального аппарата совершенно не удалась. Наоборот, в строительстве Красной армии красной нитью проходила именно децентрализация; отдельные части ее строились на местах (на фронтах) и затем постепенно сливались в единую централизованную армию. Центр только регулировал местное строительство и объединял его в смысле идейного, а не организационного руководства. Если многое в истории строительства Красной армии в этом отношении может быть отнесено на отсталость России, на чрезвычайную бедность русского пролетариата организаторами, на ее безграничную территорию, то все же эту особенность необходимо учесть, как, в известной степени, неизбежную и исторически правильную. Основа дела в том, что поставить сразу строительство Красной армии посредством мощного центра невозможно за неимением этого самого мощного центра. Военный аппарат пролетарского государства вначале неизбежно слаб, а проводить централизм, не имея сильного центра, одна из самых вредных затей. Нельзя также забывать, что при необходимости одновременно воевать и строить армию лучшие партийные организаторы и лучшие военные специалисты естественно отдаются на фронт. На фронте они получают огромный боевой и организационный опыт, становятся в силу этого единственными работниками, хорошо знающими армию и методы ее строительства, и вскоре оставляют далеко позади за собой оставшихся в тылу военных работников. Поэтому они только

и могут строить армию. В силу того же своевременное освежение тыловых работников фронтовыми становится в известный момент безусловной необходимостью. Иначе военному центру грозит окостенение, закоснелость, отсталость и бюрократизация. Еще от одной ошибки необходимо предостеречь товарищей: это от формирования территориальных войск. Территориальные формирования великолепно сражаются за свои хижины и очаги, но не любят ни при наступлении, ни при отступлении уходить далеко от своих домов и семей. Это многократно подтверждено и нашим опытом и опытом наших врагов.

Резервы в гражданской войне. Деление на три основные группы, рассеянные по всей территории страны, приводит к тому, что в гражданской войне резервы для пополнения живой силой оказываются не только позади, но и впереди. Поэтому захват новой территории в гражданской войне, особенно же захват густо населенных районов и крупных центров, по сравнению с обычными войнами, приобретает совершенно особое значение пополнения живой силой. При наступлении обе стороны встречают на пути своих сторонников, добровольно пополняющих их ряды. Особенно характерный образец этого мы имели на Урале летом 1919 года, когда красные дивизии, начавшие в мае свое победоносное шествие от Волги на Восток, к концу июля перевалили через Урал в совершенно новом составе бойцов из уральских рабочих. Пополнение при наступлении идет, впрочем, не только за счет сторонников обеих активных сторон, но и за счет промежуточной мелкобуржуазной группы путем принудительной мобилизации. Те же соображения относятся и к конскому составу. В силу этого при отступлении обе стороны нередко уводили с собой всех боеспособных мужчин и большое число лошадей. Последнее делалось также и в целях прервать преследование противника, который, лишившись обывательских подвод, должен был совершать свой путь пешим порядком. Необходимо отметить при этом следующее: в силу особенностей гражданской войны и маневренного ее характера, фронты не обладают большой устойчивостью, и отступление на двести—триста верст было явлением обычным. Поэтому полоса в двести—триста верст должна всегда считаться прифронтовой полосой, которую заблаговременно надлежит разгрузить от всего, что может быть полезно противнику.

Маневренный характер гражданской войны. Мы уже видели выше, что в условиях гражданской войны фронт не имеет твердых очертаний, как это было в обычных войнах, а особенно во время империалистической войны. В условиях гражданской войны—фронт везде: и спереди, и сзади, и на флангах. Таким образом, протяжение фронта огромно, а воинские силы, особенно вначале, незначительны. Поэтому в гражданской войне об окоп-

ной войне не может быть и речи. Если в отдельных случаях и в отдельных пунктах окопы и проволочные заграждения и применяются, то в общем и целом гражданская война носит ярко выраженный маневренный характер. В эпоху социалистической революции война вылезает из сырых окопов, выпутывается из сложной сети проволочных заграждений на вольный воздух и простор полей сражения. Война становится маневренной, боевой фронт приобретает большую подвижность и неустойчивость.

Однако, между Россией и Западной Европой есть в этом отношении существенное различие. Необъятные пространства России, в условиях бездорожной, слабо заселенной, редко застроенной и пересеченной лесами, горами, многочисленными реками и оврагами местности, для устройства достаточно прочных укреплений потребовали бы затраты совершенно невероятных усилий. Иные условия на Западе: относительно небольшие пространства, сильная заселенность, густая застроенность местности и богато развитая сеть железнодорожных и шоссейных путей дают возможность возводить и оборонять достаточно сильные укрепления. Однако, о сплошной стене укреплений империалистической войны в условиях гражданской войны нечего и думать. В начале гражданской войны малочисленность враждующих армий вынуждает их воевать по основным стратегическим направлениям (ж.-д. магистралям) и из-за важных стратегических пунктов. Впоследствии, когда путем спешного строительства обе стороны значительно увеличивают свои силы боевые фронты приобретают более сплошной и непрерывный характер.

Операции крупных регулярных армий, в силу того, что враждующие классы перемешаны и рассеяны по всей территории страны, сопровождаются в гражданской войне многочисленными двусторонними партизанскими выступлениями. Правильное сочетание действий регулярных армий и партизанских отрядов представляет большие трудности, особенно в такой мелкобуржуазной и анархичной стране, как Россия. Увлечение в сторону партизанства сыграло значительную отрицательную роль в строительстве Красной армии. Однако, целиком выбросить партизанство, властно вызываемое „классовой обстановкой“ гражданской войны, было бы крупной ошибкой. Правильный взгляд на соотношение между регулярной армией и партизанскими отрядами заключается в том, что регулярная армия является основной, главной силой, а партизанские отряды,—второстепенной, вспомогательной, выполняющей оперативные задания регулярной армии.

Партизанство в гражданской войне. Сказанного о партизанстве однако совершенно недостаточно. В условиях граждан-

ской войны это явление играет настолько большую роль, что на нем необходимо остановиться подробнее.

Прежде всего необходимо отметить, что партизанство при всем своем огромном развитии в условиях гражданской войны не может оказать того действия, какое возможно при оккупации страны неприятелем. В этом последнем случае *все* население страны без исключений сочувствует и помогает партизанам. В гражданской войне этого условия нет, ибо население разбито на две остро враждующие части и враждебно-нейтральную группу между ними. Одна часть сочувствует партизанам и помогает им, другая ненавидит и вредит им, третья (в России наибольшая) враждебно-нейтральна к ним, т.-е. не помогает им, а при случае выдает. Условия действий для партизан в гражданской войне не вполне благоприятны. На Украине, где партизанство достигло невиданного еще в истории развития, оно однако оказалось неспособным решить самостоятельно военные задачи и одержать решительные победы. Такие победы приносила с собой регулярная Красная армия.

Несравненно однако важнее в вопросе о партизанстве другая сторона. В России существовало сильное течение (левые эсеры, левые коммунисты), которое горячо отстаивало партизанство, как организационную форму построения военных сил республики, и восставало против организации регулярной Красной армии. Основной спор между сторонниками партизанства и сторонниками регулярности шел по четырем линиям: вопрос о добровольчестве, вопрос о выборности командного состава, вопрос о приглашении на командные должности офицеров старой армии и вопрос о выполнении приказов. Сторонники партизанских форм организации были за добровольчество и против принудительных мобилизаций, за выборность командного состава и против назначения, против приглашения на командные должности офицеров и за то, чтобы боевые приказы предварительно, до выполнения их обсуждались и утверждались частями. Сторонники регулярной армии были за принудительную мобилизацию, за назначение командного состава, за приглашение на командные должности офицеров, за военную дисциплину, т.-е. за безоговорочное выполнение приказов.

Об этом „левом“ течении приходится упоминать потому, что оно является одной из тех „неизбежных“ ошибок, которые переживает всякая социалистическая революция. Пролетариат начинает строительство своих вооруженных сил (еще в первый период гражданской войны) именно с отрядов партизанского характера. Эти отряды добровольческие, с выборным начальником, „чистого“ революционно-классового состава и основаны исключительно на добровольной товарищеской дисциплине. Эта организация своих вооруженных сил становится для пролета-

риата привычной. С другой стороны, этим отрядам приходится вести борьбу против старой армии с ее принудительной мобилизацией, назначенным сверху командным составом, состоящим из дворянских и буржуазных сынков, и суровой палочной дисциплиной. Эти особенности старой армии или тех специальных частей, которые формируются буржуазией для борьбы против пролетариата, становятся для пролетариата и поддерживающих его мелкобуржуазных слоев особенно ненавистными. Поэтому возврат к ним воспринимается в широких кругах рабочих и крестьянской бедноты, как возврат к старой армии. Идеологами, идейными выразителями этих взглядов и являются сторонники партизанства. Это течение, как видим, имеет глубокие корни в самом ходе развития гражданской войны и является неизбежным его этапом.

Основная ошибка сторонников партизанства состоит в том, что они не понимают коренного изменения в положении пролетариата до и после захвата им власти. До захвата им власти он не имеет возможности формировать свои силы иначе, как в виде партизанских отрядов. После захвата пролетариат имеет свое пролетарское государство и получает возможность строить свою регулярную Красную армию для того, чтобы отбиться от атак озверевшей буржуазии, имеющей в своем распоряжении регулярные войска. Регулярной классовой армии буржуазии пролетариат должен и может противопоставить свою регулярную классовую армию. Основное, коренное, самое главное отличие регулярной классовой армии пролетариата от старой армии не в организационных формах, не в выборном начале, не в добровольчестве и не в добровольной товарищеской дисциплине, а именно в том, что она осуществляет диктатуру пролетариата, что она является основной частью пролетарского государственного аппарата, что она отстаивает против буржуазии социалистическое отечество, — словом, что она выполняет приказы **пролетарского правительства** с которым связана тысячами нитей.

Вопрос о добровольчестве, о выборном начале и о добровольной дисциплине по существу сводится к вопросу: достаточно ли сознателен и дисциплинирован пролетариат „на другой день после социальной революции“, после захвата власти для того, чтобы без всякого внешнего принуждения, по первому зову явиться в ряды армии, безоговорочно выполнять все приказы и выбирать не тех командиров, которые будут потворствовать его слабостям (иначе этот командир немедленно будет переизбран), а тех, которые против этих слабостей, разрушающих боеспособность армии, будут вести неуклонную и суровую борьбу. Ответ на этот вопрос ясен: даже в странах с сознательным и дисциплинированным пролетариатом только небольшое меньшинство удовлетворяет этим требованиям. Поэтому принудительная

мобилизация, назначение командного состава и принудительная военная дисциплина—необходимые условия для создания классовой регулярной армии пролетариата.

Вопрос же о приглашении на командные должности офицеров старой армии сводится к вопросу: может ли пролетариат создать свою классовую регулярную армию без военных специалистов? Ответ ясен: не может, ибо у него нет необходимых для этого военных познаний. Но смогут ли офицеры старой армии дать пролетарской классовой армии эти познания? Ответ на этот вопрос дан ниже.

Партизанство и бандитизм. В эпоху социалистической революции, идущей под лозунгом „экспроприация экспроприаторов", партизанство неминуемо извращает этот лозунг и скатывается к бандитизму, если только партизаны не связаны тесно с регулярной армией. Какое бы название ни присваивали своим действиям партизаны,—реквизиция, самоснабжение, контрибуция,—существо дела остается то же. Дело также нисколько не изменится, если на партизанский бандитизм наклеить анархический ярлык. Мы видим это на примере известного на Украине предводителя партизанских банд Махно, от которого идейные анархисты на словах открещиваются (что не мешает им на деле заигрывать с ним.) Под анархическим черным флагом Махно совершает черное дело объединения контр-революционных, кулацких элементов деревни против рабоче-крестьянской революции. Самое лучшее доказательство этому в том, что на деле Махно не рез являлся пособником врагов Советской России и белогвардейцев, которые не раз искали открытого или тайного союза с ним. Махно всаживал нож в спину Красной армии в то время, когда она вела отчаянную борьбу против Врангеля. Только тогда, когда Красная армия на Врангелевском фронте настолько окрепла, что была в силах справиться с ним самостоятельно, Махно предложил Советскому правительству „военный союз" против Врангеля: кулак испугался за захваченную им у помещика землю. Предложение было принято не для того, чтобы иметь лишнюю силу на фронте,—она там была не нужна,—а чтобы на время избавиться от врага в тылу. Как только Врангель был разгромлен, „союз" естественно распался, ибо пролетарской революции по пути с кулаком только в борьбе с помещиком, а дальше их пути резко расходятся. Вся деятельность Махно и его банд отмечена яркой печатью бандитизма, грабежей и насилий. Под его черные знамена стекались многочисленные бандиты всех видов и рангов, вплоть до уголовных преступников.

Партизанский бандитизм объективно является врагом пролетарской революции и союзником буржуазной контр-революции. Выбрасываемые им демагогические лозунги—„выборное

начало“, „долой офицерство“, „долой всякую принудительную дисциплину“ — деморализуют и разлагают, толкают на грабежи регулярные красноармейские части, которые, особенно в отсталой крестьянской России, лишь медленно изживают свою вековую ненависть ко всем организационным формам, заимствованным у старой армии. Вот почему решительная и непримиримая борьба с бандитизмом и с мелкобуржуазным, враждебным всякой дисциплине анархизмом в рядах регулярной Красной армии является первейшей и священнейшей обязанностью ее строителей. Вот почему партизанство может быть допускаемо лишь при условии строгого подчинения и теснейшей связи его с регулярной армией. Против бандитизма в частях армии необходимо с первых же дней принимать самые суровые меры борьбы.

Старая и новая дисциплина. Выше мы сказали, что пролетарская регулярная Красная армия вынуждена заимствовать у старой армии ее формы военной дисциплины. Теперь необходимо внести в этот вопрос весьма существенное дополнение,

Либерально-буржуазные профессора, а за ними и соглашатели-социалисты весьма любят повторять, что в основе современной организации армии, даже в самой демократической ее форме, лежит „идея гражданина“, идея „общего для всех отечества“. Армия защищает „отечество“ от общего для всех граждан иноземного врага. Поэтому армия не может и не должна быть классовой и партийной. Она должна быть внеклассовой и внепартийной. Этой насквозь лицемерной и лживой теорией „беспартийной“ армии империалисты и социал-империалисты всех стран в течение империалистической войны дурманили головы рабочих.

Гражданская война разбивает на куски учение о беспартийной армии. Армии гражданской войны—классовые, а потому партийные армии. В силу этого вопрос о военной дисциплине становится в иную плоскость. В старой — „общеклассовой“, „беспартийной“ армии, которая на деле была буржуазной армией, военная дисциплина связывала, скрепляла, цементировала, нивеллировала элементы, принадлежавшие к разным классам. В армиях гражданской войны, особенно в классовой армии пролетариата, та же военная дисциплина скрепляет и связывает однородные элементы одного и того же класса. В старой армии фундаментом для внешне-принудительной дисциплины служило лицемерное и лживое учение о единстве и однородности всех граждан в борьбе с внешним врагом, а поэтому, как только этот фундамент рухнул, старая армия стала разлагаться и распадаться. В пролетарской классовой армии внешне-принудительная военная дисциплина базируется на товарищеской солидарности и товарищеской дисциплине членов одного и того же класса, ведущих борьбу за единую классовую цель,—низвержение диктатуры буржуазии и торжество диктатуры пролетариата. И по мере роста в самом

процессе гражданской войны сознательности и дисплинированности пролетариата его классовая армия развивается, в отличие от старой армии, в сторону добровольной, сознательной, товарищеской дисциплины, заполняющей рамки внешне-принудительной, заимствованной у старой армии, военной дисциплины. Внешне-принудительная военная дисциплина по мере роста сознательности, организованности пролетарской классовой армии начинает постепенно отмирать.

Этот процесс, однако, затемняется в условиях русской революции явлениями мелкобуржуазного анархизма и недисциплинированности, которые при преобладающем крестьянском составе русской Красной армии неизбежны. Гораздо яснее этот процесс будет виден в пролетарских армиях Запада.

В противоположном направлении идет развитие форм внешне-принудительной военной дисциплины в классовой армии буржуазии. Вначале, когда эта армия является чисто-классовой, однородной по своему классовому составу, в ней под формами внешне-принудительной дисциплины таится „товарищеская“ дисциплина членов одного и того же класса, одушевленных и скрепленных одним стремлением—свергнуть диктатуру пролетариата и восстановить диктатуру буржуазии. Но затем, как мы уже видели, буржуазия видит себя вынужденной малочисленные ряды своей классовой армии пополнять элементами из чуждых, а нередко и враждебных ей классов. Тем самым разрушается фундамент „товарищеской“ дисциплины классовой армии буржуазии и внешне-принудительные формы военной дисциплины приобретают все большее значение и становятся все более насильственными, доходя до полного зверства (избиение шомполами, расстрел без суда). В классовой армии буржуазии развитие дисциплины идет по направлению к формам старой армии, от добровольчества к принудительности.

Роль кавалерии в гражданской войне. Маневренный характер гражданской войны, выход войны из окопов и проволоки на открытое поле создают условия для возрождения кавалерии и возвращения ей той важной роли, которую она играла до русско-японской и империалистической войны. Инициативу в создании кавалерии берет на себя в России белогвардейское командование. На это имеется несколько причин. Во-первых, ему, как мы видели, надо „торопиться“, а кавалерия—именно тот род оружия, который в условиях гражданской войны может дать наиболее быстрое решение. Во-вторых, белогвардейцы базировались преимущественно на казачьи области, а казаки — природные кавалеристы, с раннего детства ездящие на лошадях и обладающие большим запасом годных для кавалерийской службы лошадей. В-третьих, из всех родов оружия кавалерия всегда была на привилегированном положении, а командный состав ее

набирался почти исключительно из высшего дворянства. Поэтому весь кавалерийский офицерский состав оказался сплошь на стороне белых, чего нельзя сказать о пехотинцах и артиллеристах. Слабо сколоченные и плохо обученные красноармейские части в подавляющем большинстве случаев оказывались неспособными противостоять кавалерийской атаке. Особенно же расстраивали красноармейские части набеги белой кавалерии в ближайший тыл. Советское правительство было вынуждено противопоставить белой кавалерии свою красную кавалерию, к спешному формированию которой и было приступлено, правда, с сильным опозданием. К концу 1919 г. на Южном фронте с обеих сторон сражалось по нескольку десятков тысяч кавалерии, при чем отдельные крупные соединения (например, 1-я конная Красная армия) доходили до 20 тысяч сабель. Красная кавалерия формировалась по преимуществу из тех же казаков, казачьей бедноты, которая шла за Советской властью. Впоследствии пополнения для кавалерии шли уже и из не-казачьих областей. В течение гражданской войны кавалерия совершила своеобразную эволюцию. Благодаря ряду побед над Деникинскими войсками, красная кавалерия оказалась богато снабженной пулеметами. Не редкость было встретить в полку до 100 пулеметов. Пулеметы ставились на тележки и перед атакой выезжали вперед и производили сильнейший обстрел неприятеля. Следующий этап в развитии кавалерии был сделан Врангелем. Богато снабженный французами и англичанами, Врангель присоединил к кавалерии большое число вооруженных пулеметами и мелкими пушками грузовиков, а также отряды бронированных автомобилей и эскадрильи аэропланов. Получился новый род оружия — „бронированная“ кавалерия, которая, не теряя своей маневренной гибкости, быстроты передвижения и стремительности удара, приобрела огромную огневую силу, какой кавалерия прежних войн не знала. Из действий кавалерии необходимо отметить глубокие рейды в тыл противника (рейд ген. Мамонтова, рейд 5 красной кавалерийской дивизии). При всем вреде и ущербе, какой эти глубокие рейды причиняют, они все же не оправдывают себя. Во-первых, решения в условиях гражданской войны они дать не могут, так как о капитуляции правящих органов обеих сторон не может быть и речи. Во-вторых, они сопровождаются крайним переутомлением лошадей и людей, в большом числе выбывающих из строя (вернувшийся из рейда корпус Мамонтова более чем на месяц оказался небоеспособным). Наконец, они требуют выделения с фронта такого значительного количества кавалерии (не менее 5 тысяч сабель), отсутствие которого на фронте очень сильно ослабляет его.

Как велико значение кавалерии в условиях гражданской войны, видно лучше всего на примере Врангеля. Врангель пе-

ревернул отношение между пехотой и кавалерией. „Бронированная“ кавалерия стала у него главным родом оружия, а пехоте была отведена вспомогательная роль. Пехота прокладывала для кавалерии пути там, где кавалерия не была в состоянии пройти самостоятельно (проволочные заграждения, переправа через реки, десанты). Бой же вела и решала дело кавалерия.

В Западной Европе кавалерия едва ли сможет сыграть такую крупную роль, главным образом потому, что там недостает необходимой для кавалерии лошади. Только полудикие русские лошади обладают необходимой для кавалерии выносливостью, способны делать по 2—3 дня подряд 60-верстные переходы, ночевать под открытым небом летом и зимой и питаться недостаточным и плохим кормом. Однако, не следует повторять той ошибки, которая была сделана в русской Красной армии, где приступили к формированию кавалерии лишь на второй год войны. Необходимо, поскольку позволяют это условия, формирование кавалерии вести на ряду с формированием пехоты и превращать ее в „бронированную“ придачей ей большого числа конных пулеметов, конной артиллерии, вооруженных грузовиков, броневиков и аэропланов.

Ездящая пехота в гражданской войне. Переходной ступенью между кавалерией и пехотой надо считать так-называемую „ездящую“ пехоту. Сюда относятся весьма различные воинские части, „изобретенные“ стихийным творчеством гражданской войны. На первом месте здесь стоят те кавалерийские части, которые вследствие слабой обученности не умеют сражаться в конном строю, плохо ездят, плохо рубят, а потому вынуждены для боя спешиваться. Затем идет то, что собственно обычно называется „ездящей“ пехотой, т.-е. пехота, которая употребляет лошадь исключительно для целей передвижения. В свою очередь эта пехота разбивается на три категории: 1) пехота, употребляющая для передвижения верховую лошадь, что встречается сравнительно редко, 2) пехота, передвигающаяся на телегах, находящихся в постоянном ее распоряжении (способ, которым преимущественно пользуются бандиты), 3) пехота, передвигающаяся на обывательских подводах (наиболее распространенный способ). Далее идет пехота, передвигающаяся на грузовиках. Этот вид передвижения применяется почти исключительно в уличных боях и во время сражения у крупных городов с развитой сетью шоссейных дорог. В виду русского бездорожья и незначительного числа грузовиков этот важный, наиболее быстрый и наиболее гибкий способ передвижения пехоты не мог получить в России большого распространения и постоянного применения. Но на Западе, где имеется густая сеть шоссейных путей и большое число грузовиков, этот способ передвижения пехоты может получить решающее значение. Наконец, последний вид „ездящей“

пехоты, который необходимо отметить как безусловно отрицательный, это пехота, ездящая в железнодорожных поездах. Не следует смешивать этого с теми перебросками пехоты по железным дорогам, которые в течение гражданской войны производятся сплошь и рядом и на дальние и на ближние расстояния. Речь идет о другом, о так-называемой „железнодорожной войне", которая заключается в том, что каждая часть имеет несколько своих „собственных" поездов с „собственными" паровозами. В этих поездах она живет, она держит свое частное имущество (преимущественно награбленное), она „ездит" в бой, а главное—при малейшей опасности для этого имущества спешно удирает с своим поездом на десятки и сотни верст. Это явление относится к той эпохе, когда регулярные части Красной армии еще только начинали формироваться, а следовательно принадлежит к „доисторическому" периоду партизанской войны. Для искоренения его, для того, чтобы выбросить части из вагонов, потребовалось применение крайних мер, вплоть до угрозы обстрелом из пулеметов и орудий.

Пехота в гражданской войне. Несмотря на огромную роль, приобретенную в гражданской войне кавалерией, пехота в условиях гражданской войны все же не теряет своего значения и лишь редко уступает первое место кавалерии. Особенно это верно по отношению к Западной Европе не только потому, что там отсутствуют условия для создания многочисленной кавалерии, но и потому, что там окопы и проволочные заграждения сыграют более значительную роль, чем в России. А преодолевать укрепления может только пехота. Характерной для пехоты гражданской войны является относительная малочисленность ее частей, которая в дальнейшем развитии войны несколько увеличивается. У буржуазии это вызывается, как мы видели уже выше, малочисленностью ее классовой армии и необходимостью восполнять недостаток общей численности быстрым маневрированием мелких самостоятельных частей. По своим высоким качествам офицерские полки в 400—500 штыков обладают совершенно достаточной ударной силой, чтобы самостоятельно решать задачи. В Красной армии малочисленный состав тактических единиц вызывается отсутствием достаточно подготовленного командного состава, который был бы в силах справиться с крупной единицей. Поэтому в Красной армии полки в 800—1200 штыков считались нормальными. Под конец войны, когда выработался более опытный командный состав, численный состав полков значительно возрос (до 2 тысяч штыков).

Технические войска в гражданской войне. Опыт русской гражданской войны в этой области не может считаться поучительным прежде всего потому, что Россия очень бедна по сравнению с Западной Европой техническими средствами, а затем вслед-

ствие русского бездорожья, не допускающего широкого применения технических средств. Необходимо отметить, что действия артиллерии со стороны Красной армии страдали большими дефектами вследствие недостатка опытного командного состава. Большое значение приобретают в условиях гражданской войны железнодорожные восстановительные отряды, вследствие частых разрушений дорог и мостов и необходимости их быстрого восстановления. Бронепоезда и бронемашины даже при слабом развитии русских железных дорог и шоссейных путей играли значительную роль. Участие танков в России было незначительно. Однако, и на основании этого небольшого опыта наметился вывод, что в условиях гражданской войны их значение уменьшается по сравнению с той ролью, которую они играли в окопной войне. Для свободно маневрирующих на полях сражений армий гражданской войны танки не так опасны, как для неподвижно закопавшихся в землю империалистических армий. Нередко бывали случаи, что танки окружались вплотную пехотой или кавалерией и забрасывалась ручными гранатами. Кроме того, в условиях свободного маневра танки более уязвимы для огня артиллерии, которая нередко сбивала их с открытых позиций на расстоянии 300—400 метров.

На Западе технические средства и технические войска призваны сыграть в классовых армиях пролетариата гораздо большую роль и, поскольку дело коснется броневиков и вооруженных грузовиков, в значительной мере заменить кавалерию.

Командный состав гражданской войны. Относительно классовой армии буржуазии не приходится доказывать, что она обеспечена большими резервами наиболее высококвалифицированного, наиболее опытного по всем родам оружия и по всем специальностям военного дела командного состава. Огромное большинство офицерства оказывается на стороне буржуазии. На долю пролетарской классовой армии выпадает лишь незначительная часть офицерства, по преимуществу из тех слоев его, которые не желают вмешиваться в гражданскую войну, которые враждебно-нейтральны к пролетариату и следовательно сочувственнно-нейтральны к буржуазии. Кроме того, при всей своей кастовой замкнутости офицерство не представляет вполне однородной массы. Внутри своей касты оно делится на более и менее привилегированные слои, на офицерскую аристократию и офицерский плебс. Наконец, империалистическая война выдвинула на ряду с кадровым офицерством офицерство военного времени, пестрое по своему составу. Все эти причины ведут к тому, что известная часть офицерства, не желающая итти в ряды классовой армии буржуазии, поневоле оказывается вынужденной вступить в ряды классовой армии пролетариата. Сюда же относится и та часть враждебного пролетариату офицерства,

которую гражданская война застает врасплох на территории пролетарской диктатуры, которая таким образом оказывается „в плену“ у пролетариата. Должен ли и может ли пролетариат воспользоваться офицерством для создания своей классовой армии? Мы уже ставили этот вопрос выше и видели, что этот вопрос сводится к вопросу, может ли пролетариат построить свою армию без услуг специалистов. Несомненно не может, так как из своих рядов знатоков военного дела он может выдвинуть лишь ничтожное число, единицы. А нужны тысячи. Но могут ли офицеры дать пролетарской армии эти военные знания? Могут ли они взять на себя строительство Красной армии и могут ли справиться с этой задачей? Ответ на этот вопрос гласит: при условии бдительного наблюдения за работой офицеров и деятельного участия в строительстве Красной армии со стороны передового слоя пролетариата—Коммунистической партии—несомненно могут. В процессе развития и обострения гражданской войны, на совместной работе с представителями Коммунистической партии, часть офицерства, работающая в Красной армии, переходит на точку зрения пролетариата и связывает свою судьбу с ним, часть становится сочувственно-нейтральной, часть враждебно-нейтральной и, наконец, менее значительная часть изменяет пролетариату. Противники включения в Красную армию старого офицерства обыкновенно упирают на эту последнюю наименее значительную часть. Но в гражданской войне число изменников всегда бывает велико, в гражданской войне пролетариата и буржуазии целый класс—мелкая буржуазия—является изменническим. Мы видели это выше, на массовом переходе мелкобуржуазных крестьянских элементов из одной классовой армии в другую и обратно. В конечном счете мелкая буржуазия на опыте убеждается, что пролетарская диктатура ей менее невыгодна, чем буржуазная. В конечном счете невыгода от привлечения мелкой буржуазии в ряды классовых армий, как мы видели, оказывается на стороне буржуазии. Она на этом проигрывает. Но отказаться от мобилизации в свои классовые армии мелкой буржуазии обе стороны не могут. Далее. Буржуазия мобилизует в ряды своей классовой армии и силой заставляет служить себе рабочих, будучи уверена, что значительная часть их перейдет в бою на сторону пролетариата. А пролетариат мобилизует и силой заставляет служить себе офицеров. Если часть офицерства изменяет пролетариату и переходит на сторону буржуазии, то шансы обеих сторон здесь уравниваются. Наконец, польза, которую приносит Красной армии не-изменническое офицерство, несравненно больше, чем вред, приносимый изменниками. Это самое главное соображение. Русская Красная армия выросла благодаря работе офицерства, которая покрыла собой во много раз разрушительную работу изменников. Измена—это неизбежные „непроизводительные издержки“ по строительству

классовой армии пролетариата. И последнему нужно внимательно наблюдать только за тем, чтобы эти „непроизводительные издержки“ были минимальными.

На Западе в силу большей классовой дифференциации и большей обостренности гражданской войны число офицеров, которых окажется возможным привлечь к строительству и к управлению классовыми армиями пролетариата, будет вероятно значительно меньше. Но зато империалистическая война оставила значительный кадр опытного унтер-офицерского состава, который в широких размерах может быть влит в пролетарские армии и сможет по своему высокому уровню заместить собою офицерские места.

Вопрос о командном составе классовой армии пролетариата привлечением офицерства не только не исчерпывается, а лишь начинается. Уже на первых этапах строительства Красной армии перед пролетарским государством встает задача приступить к подготовке пролетарского командного состава. Только таким способом можно обеспечить пополнение Красной армии командным составом и заполнить ту пропасть, которая во всех армиях (в том числе, понятно, и в классовой армии буржуазии) отделяет солдата от начальника, и тем самым убить навсегда естественное недоверие красноармейца к штабам, в которых „сидят изменники“. С последним особенно остро приходилось считаться на первых этапах строительства Красной армии.

Опыт организации курсов красного командного состава настолько поучителен, что на нем необходимо остановиться подробнее. Приводимые ниже цифры заимствованы из официального отчета Главного Управления Военно-Учебных Заведений за три года существования Советской власти в России.

Организация командных курсов началась в начале 1918 г. и затем число курсов и число курсантов быстро возрастало. Для организации курсов были использованы помещения и хозяйственно-административный персонал ликвидированных военно-учебных заведений, оставшихся после низвержения Романовых.

Большинство курсантов при поступлении либо принадлежало, либо примыкало к Коммунистической партии. При выпуске подавляющее большинство курсантов выходило членами Российской Коммунистической партии.

По образовательному цензу курсанты делятся так: с высшим образованием—0,7%, с средним законченным образованием—11,4%, с средним незаконченным—8%, с четырехклассным—13,%, с низшим—62,7%, с домашним образованием—3,2%.

По классовому составу курсанты делятся: 37,5% рабочих (в том числе квалифицированных—31,5%, неквалифицированных—6,5); земледельцев—24,7%, прочих—37,8%, в том числе крестьяне-рабочие.

Таким образом, командные курсы заполняются в большинстве рабочими и крестьянами. Этим путем в руки трудящихся отдается командование в армии,—как до революции это командование отдавалось, через юнкерские училища, в руки эксплоатирующих классов.

Точное представление о воспитательном значении курсов можно получить при знакомстве с материалами, характеризующими работу курсантов в партийных и профессиональных организациях, до поступления на курсы. Оказывается, что не работало в организациях, по данным 1918 года, 80,7%, а работало только 12,9%. Таким образом, преобладающее большинство вступило в политические организации уже на курсах, что объясняется интенсивной работой курсовых политических и просветительных организаций.

Возраст курсантов колеблется от 18 до 25 лет; до 20 лет было, по данным 1918 года, 40,3%, до 25—38,5%, старше же 25 лет 3,7%.

Большинство поступающих на курсы уже служили в войсках, что объясняется или тем, что курсанты командируются из войсковых частей, или тем, что солдаты старой армии, желая пополнить свои теоретические познания, охотно идут на курсы.

Служба курсантов в войсках выражается следующим образом: в 1918 г. служило всего в войсках 59,5%, а не служило 40,5%. Из них большинство служило в пехоте (46,3%); в 1919 г., на основании разработанных учебных карточек, служба в войсках выражается: служило в старой и Красной армиях—44%, только в старой армии—18%, только в Красной армии—17,4%, не служило в войсках—2,6%; большинство служило в пехоте (68,6%). Боевой стаж имеют 60,8%, тыловую службу несли 39,2%. Все находившиеся на военной службе разделяются по чинам, званиям и должностям так: бывших офицеров—4,2%, бывших военных чиновников—0,5%, бывших унтер-офицеров—39,9%; бывших рядовых—33,3%; занимали командные должности в Красной армии—0,3%, красноармейцев—21,8%.

Если принять выпуск 1918 г. за 100%, то выпуск 1919 г. был 656%, выпуск 1920 г.—1379. Окончившие курсанты распределялись по родам оружия так: пехота—50,6%, артиллерия—11,9%, кавалерия—10%, пулеметчики—9,3%, инженерное—5%, специальных войск—13,2%.

Одна из характерных особенностей красных командных курсов—обязательное преподавание политической грамоты, разбитой на три цикла: 1) капитализм и социализм, 2) империализм и социальная революция, 3) октябрьская революция и Советская власть.

Первые выпуски красных командиров были встречены в армии с некоторым недоверием, особенно со стороны старого

офицерства, Но затем это недоверие исчезло, так как на младших командных должностях красные командиры показали себя с самой лучшей стороны. Это признается теперь всем старым офицерством.

Еще одна черта отделяет пролетарские командные курсы от буржуазных. Это—использование курсантов во всем их составе на трудовые задачи. Вопрос этот возник в начале 1920 г., когда в „порядок дня“ Советской республики были поставлены задачи восстановления разрушенного войной хозяйства и использования для этой цели сил Красной армии. Курсы красного командного состава, как часть Красной армии, не могли остаться в стороне от этого широкого движения. Квалифицированные и обученные рабочие были взяты на учет и курсанты разбиты на трудовые артели, которые, по указаниям местных советов народного хозяйства, выполняли разнообразные хозяйственные работы.

Этой своей работой курсанты подчеркнули, что „замкнутый дух касты чужд советским командным курсам“, что „они не белоручки, готовящиеся быть профессиональными офицерами, что они одновременно работники и меча и плуга“.

Кратковременный опыт с трудовыми артелями курсантов был учтен и в связи с ним был выдвинут вопрос о создании единой военной школы на трудовых началах, о введении в программы военных училищ курса научного управления хозяйством, так чтобы кончающие курсанты становились одновременно „командирами меча и плуга“.

В течение трех лет гражданской войны красным курсантам приходилось не только учиться и готовиться к командным должностям, но и сражаться. Не раз бывало, что в трудные минуты республика выдвигала свернутые в бригады курсы на поля сражений. По единогласному отзыву, курсантские бригады и дивизии, наспех сколоченные, равнялись по своей боеспособности и героизму с лучшими нашими дивизиями, 21-й, 28-й, 30-й и 51-й, и ни в чем не уступали лучшим офицерским дивизиям Деникина и Врангеля (Корниловской, Марковской и Дроздовской).

„Квалифицированный солдат“ гражданской войны. Мы только что говорили о лучших, квалифицированных, красных и белых дивизиях, состоящих из „квалифицированных солдат“, то-есть белых офицеров и красных курсантов, из которых каждый обладает относительно большим запасом военных знаний. В русской гражданской войне этот опыт создания дивизий из „квалифицированных солдат“, по целому ряду причин, не мог принять обширных размеров, отчего однако не уменьшается его показательность и его значение. Культурная отсталость России и в частности отсталость пролетариата, среди которого еще пару

лет назад был огромный процент безграмотных, длительность гражданской войны вследствие того, что на Россию направился первый удар международной контр-революции,—все это не давало возможности поставить высоко одиночное обучение рядового бойца, которое превратило бы его из „чернорабочего“ в „квалифицированного рабочего“ войны.

А между тем вопрос о „квалифицированном солдате“ для пролетариата имеет огромное практическое значение. Именно недостаток командного состава в классовой армии пролетариата, недостаток, который может быть восполнен лишь в течение долгих лет, т.-е. тогда, когда первые полосы гражд. войны будут уже далеко позади, побуждает пролетариат искать выхода в замене недостающего командного состава массовой квалификацией красноармейца, Для этого у пролетариата имеются такие условия, которые отсутствуют у буржуазии: прежде всего революционная сознательность красноармейца и развитие внешне-принудительной дисциплины в Красной армии в сторону сознательной, добровольной, товарищеской дисциплины. (В буржуазной классовой армии, как мы видели, развитие идет в обратном направлении). Затем, политическая пропаганда пролетариата в рядах Красной армии, которая основана на правде. (А политическая пропаганда и агитация буржуазии внутри белой армии основана на лжи и обмане). Пролетариат не боится сознательности и инициативности отдельного бойца. Для буржуазии же сознательность и инициативность бойца гибельны. Поэтому пролетариат может щедро давать бойцу и основы политической грамоты, и основы военного дела. Буржуазия же этого не может. Вот почему в классовой армии пролетариата развитие может итти ко все большей квалификации солдата, а в классовой армии буржуазии дело идет наоборот, ибо высококвалифицированные ее офицерские резервы, превращаемые в рядовых бойцов, быстро истощаются и не могут быть достаточно пополняемы.

Немаловажное практическое значение имеет квалификация солдата еще в том отношении, что она дает возможность уменьшить численность Красной армии. Высокие военные качества белых войск вынуждают Красные армии увеличивать свою численность до размеров по меньшей мере вдвое больших, чем белые армии. А это связано, во-первых, с огромным отвлечением рабочих и крестьян от производительного труда, во-вторых, с трудностями снабжения обмундированием, продовольствием, оружием и патронами. И то, и другое в условиях революции представляет чрезмерно тягостный расход, чрезвычайно ухудшающий хозяйство пролетарского государства.

Как ни слаб опыт русской гражданской войны в деле квалификации солдата, но все же пример курсантских дивизий и бригад чрезвычайно показателен.

Западно-европейский пролетариат имеет несравненно больше возможностей поставить в широких размерах воспитание „квалифицированных солдат“, а также устройство своих командных курсов. Вопрос о „квалифицированном солдате“ теснейшим образом связан с вопросом о милиционной системе. Для выяснения этого вопроса придется несколько уклониться от поставленной в этой брошюре задачи—подвести итоги русской гражданской войны, учесть ее опыт—и остановиться на теории милиционной системы, которая была изложена мною в ряде статей, появившихся в „Петроградской Правде“ в начале 1918 г., т.-е. тогда, когда еще не было ни Красной армии, ни красных командных курсов, ни опыта гражданской войны в социалистической революции.

Милиционная система. Вот выдержки из помянутых мною статей.

„Энгельс в своем „Антидюринге“ относительно до-революционной французской армии замечает, что она была „военным слепком с абсолютизма“. „Только такая революция, как французская,—говорит он,—которая экономически эмансипировала буржуа и особенно крестьянина, могла изобрести массовую армию и в то же время найти для нее свободные формы движения,—военную силу, сумевшую разбить сражавшуюся в рядах союзных войск старую неуклюжую армию, представляющую собой военный слепок с абсолютизма“.

Вот таким „военным слепком“ с советского строя только и может быть „Советская армия“.

В буржуазном строе государственная власть оторвана от народа, стоит над народом. Буржуазная армия, этот „военный слепок“ с буржуазного строя, также оторвана от народа, противопоставлена ему, как орудие принуждения в руках буржуазии, стоит над народом. В Советском строе государственная власть есть власть самого народа, рабочих и крестьянской бедноты. И Советская армия, этот „военный слепок“ с Советского строя, не может быть ничем иным, как армией народной, армией рабочих и беднейших крестьян. Эта армия не стоит над народом, между армией и народом нет границы, отдельно армии и народа не существует, армия и народ совпадают, рабоче-крестьянский „народ“ целиком представляет собою Советскую армию, Советская армия представляет собою вооруженный рабоче-крестьянский „народ“.

В буржуазном строе военная служба отделена и противопоставлена производительному труду и общественно-политической деятельности, замкнута в тесной и душной казарме, отрезана от народа стеной железной дисциплины. В советском строе военная служба протекает в свободных условиях общественной самодеятельности, сливается и переплетается в неразрывное целое с производительным трудом и всей общественной и политической работой пролетариата и крестьянской бедноты и строится на началах добровольной, товарищеской дисциплины.

Советская армия, как „военный слепок“ советов, может развиваться, расти, укрепляться в прямой зависимости от роста и укрепления Советской власти.

Как же строится „Советская армия“?

„Каждый окружной, волостной и уездный совет принимает ближайшее участие в созидании Советской армии. Каждый совет на месте создает в своей волости, в своем уезде свой местный советский отряд, в который включаются все способные к ношению оружия местные рабочие и крестьяне. В городах такие советские отряды создают все более крупные заводы и фабрики, а более мелкие образуют соединенные отряды.

Через волостной, фабричный, заводский отряд должны пройти все способные к ношению оружия. Обучение военному делу в этих отрядах, представляя часть повседневной, обыденной работы, не должно останавливаться только на том, чтобы научить стрелять, самоокапываться и маршировать. Оно должно поставить себе целью создать „квалифицированного“ солдата, „полуофицера“, обладающего разносторонними специальными военными знаниями.

Энгельс в том же „Антидюринге“ указывает, что „организация и боевой метод армии, а вместе с тем успех и поражение последней зависит от материала. человеческого и от оружия, следовательно,—от качества и количества населения и от техники“. В современных войнах техника играет огромную роль. В этом отношении мы далеко отстали от империалистических стран и можем мечтать о том, чтобы только догнать их. Но в человеческом материале в Советской России, по сравнению с империалистическими странами, имеется огромное преимущество. Армия „квалифицированных“ солдат, построенная на сознательной, товарищеской (т.-е. социалистической) дисциплине, возможна только в Советском строе. И создание такой армии, превращение безграмотного „мужика“ в „полуофицера“ есть не большая фантазия, чем привлечение „кухарки“ к управлению государством.

Мы вступаем в целую эпоху войн и поэтому создание такой квалифицированной армии „полуофицеров“, вооруженной по последнему слову техники, способной побеждать „вооруженные до зубов“ империалистические армии, нельзя оценивать с точки зрения ближайших задач, ближайших, завтрашних перспектив. Нужно на создание Советской армии посмотреть шире, на долгий период империалистических войн и революций,— и тогда эта задача предстанет во всей ее широте и величии. Человеческий „материал“, „качество и количество населения“— вот чем, при равной технике, может побеждать современная армия, вот тот путь, который освободит военное искусство от неподвижных, неуклюжих позиционных форм боя, представляющих „военный слепок“ с капиталистического производства.

Социалистическое производство, несравненно более свободное и гибкое, чем капиталистическое, откроет квалифицированной армии Советских „полуофицеров“, этому „военному слепку“ социалистического строя, „свободные формы движения“ (выражение Энгельса), которые обеспечат ей победу.

Волостные и фабрично-заводские отряды, уже обученные стрелковому делу, самбокапыванию, саперным и другим практическим работам и прослушавшие теоретический курс военных наук, время от времени, через известные промежутки должны производить „пробные мобилизации“. Пробная мобилизация — дорого стоящая штука, а потому капиталистические страны лишь весьма редко могут позволить себе такую роскошь. В Советском строе, по мере обобществления производства, создаются материальные и моральные предпосылки для пробных мобилизаций. Непосредственное участие в производительной работе коммуны приучает к постоянной общественной мобилизации производительных сил, а военная пробная мобилизация представляет собою такую же мобилизацию сил коммуны для военных целей.

Широкая возможность пробных волостных, уездных, городских и губернских мобилизаций, это — колоссальное преимущество Советского строя пред капиталистическим, которое выработает „свободные формы движения“, несущие Советской армии победу над империалистическими.

„Свободные формы движения“ новой армии должны явиться в результате: во-первых, крепчайшей внутренней спайки в частях армии, основанной на добровольной сознательной дисциплине и на самом способе формирования частей из людей одной местности, хорошо знающих друг друга с детства и по общей работе в коммуне, и во-вторых, широкой инициативы, как отдельных людей, так и самых мелких частей на поле сражения, основанной на высоком уровне военных знаний среди „квалифицированных“ солдат новой армии. Это было подробно развито в одной из последующих статей, где усиленно подчеркивалось, что только новые „свободные формы движения“ социалистической армии дадут возможность военному искусству „выпутаться из колючей проволоки позиционной войны“, из мрачных сырых окопов выйти на свежий воздух полей сражения“.

„Старая армия принудительно сколачивалась и держалась только палкой, новая армия будет скреплена сильнейшим внутренним цементом — сознательным добровольным подчинением. Старая армия составлялась из солдат, которые были пригодны лишь на самую простую, грубую, черную работу стрельбы и рытья окопов, а над этими „чернорабочими“ возвышались богатые специальными военными познаниями офицеры. Солдат новой армии должен быть хорошим специалистом, „квалифицированным рабочим“ войны, „полуофицером“, если так можно выра-

зиться, как „полуинженерами“ являются высококвалифицированные рабочие на заводах и фабриках.

Трудна задача создать такую армию, но она должна быть выполнена. Только армия, построенная на этих новых началах, способна наносить поражения армиям прежнего „буржуазного“ типа.

Эти выдержки показывают, что уже в начале 1918 г. в нашей партии существовал взгляд на невозможность для России немедленного перехода к милиционной армии. Опыт гражданской войны полностью подтвердил этот взгляд. Вопрос о милиционной системе не раз обсуждался и на IX съезде Р. К. П. весной 1920 г. был вырешен в положительном смысле, но с целым рядом ограничений. Вплоть до начала 1921 г. мы однако были лишены возможности сделать хотя бы один практический шаг в направлении к милиционной системе.

События весны 1921 г. (Кронштадтское восстание и волна бандитизма) показали, что о широком переходе к милиционной системе в настоящий период русской революции не может быть и речи, ибо на деле развитие милиционной системы могло превратиться в придание организационной военной формы мелкобуржуазной анархистской контр-революции. Поэтому X Партсъезд, запретив широкую пропаганду милиционной системы, как вредную, допустил лишь образование полумилиционных частей в рабочих центрах и этим подчеркнул, что в русских условиях о *народной* милиции говорить не приходится, а надо приступить лишь к организации *классовой* (пролетарской) милиции. На Западе, где соотношение пролетариата к мелкой буржуазии гораздо благоприятнее, переход к классовой милиции будет проще и быстрее, чем у нас. Однако, и там переход к народной милиции станет возможным лишь по прочном укреплении пролетарской диктатуры, т.-е. тогда, когда она может оказаться почти ненужной.

Разведка и шпионаж в гражданской войне. В тесной связи с вопросом о „квалифицированном солдате“ стоит вопрос о разведке и шпионаже в условиях гражданской войны.

Перемешанность воюющих классов на одной и той же территории создает почву для небывалого расцвета шпионажа. Число шпионов-добровольцев с обеих сторон невероятно. Однако, в этом деле преимущество целиком на стороне белых. По своему классовому составу, по своим познаниям они несравненно более подготовлены к роли военных шпионов, чем невежественные в военном деле рабочие, батраки и мелкий деревенский люд. Особенно сильно это различие оказывается в безграмотной, темной России. Но и на Западе это различие настолько велико, что пролетарскому правительству, взявшему власть в свои руки и с первых же часов приступившему к строительству Красной армии, необходимо тотчас же позаботиться о создании сети школ военного шпионажа, в условиях гражданской войны

приобретающего огромное значение. Поистине, положение пролетариата, не имеющего шпионского аппарата, можно сравнить с положением слепого гиганта, попавшего в руки всевидящих пигмеев, неспособных одолеть его, но причиняющих ему множество бед, которых он мог бы избежать, будь он зрячим. Каждый член Коммунистической партии, каждый честный рабочий должен быть шпионом, разведчиком в тылу ли у белых, или на своей территории для выслеживания белых шпионов. Постановка агентуры в тылу у белых в условиях гражданской войны может базироваться исключительно на партийных организациях. О наемных агентах не может быть и речи.

В войсковой разведке Красная армия также очень сильно отстает от белой. И только квалифицирование красноармейца, обучение его приемам войсковой разведки может исправить этот чрезвычайно важный дефект Красной армии.

Тыл гражданской войны. Мы уже видели, что в силу перемешанности воюющих классов на территории одной страны тылы у обеих сторон весьма неблагополучны; шпионаж, заговоры, восстания, дезертирство, грабежи, разрушение железных дорог, взрывы, покушения на жизнь видных политических и военных вождей. Есть однако существенное различие между красным и белым тылом. Белый тыл систематически разрушается и развращается спекуляцией и интригами различных политических групп, „ориентирующихся“ на враждующие между собой иностранные государства. Спекуляция, ставшая в белом тылу, по признанию самих белогвардейцев, огромной разрушительной силой, срывает снабжение армии. При Деникине английские военные представители на юге России систематически жаловались на то, что все тылы одеты в английское обмундирование, а армия раздета. Никаких серьезных мер борьбы со спекуляцией белые правители естественно не принимают. Спекуляция захватывает армию, офицерский состав ее до самых верхов. А вместе со спекуляцией растет неслыханный разгул, пьянство, разврат, бандитизм. По свидетельству самих же белогвардейцев (см., напр., книгу Г. Н. Раковского „В стане белых“, изданную в Константинополе), разложение тыла у белых достигает чудовищных размеров.

Не то в красном тылу. И здесь, понятно, находятся элементы бандитские и спекулянтские. Но против них ведется беспощаднейшая борьба. В общем и целом эти явления в красном тылу ничто по сравнению с тем, что творится в тылу у белых.

Армии чутко чувствуют свой тыл. У белых вражда армий к своему тылу вырастает до пределов ненависти. Эта ненависть особенно остро проявилась при отступлении Деникинских армий весной 1920 г. на юг. Бесчинства, насилия, грабежи, погромы отступавших дивизий превосходят всякие описания. „Довольно

воевать за буржуев, пусть сами за себя воюют"—с такими лозунгами катились на юг разложившиеся ряды классовой армии русской буржуазии (см. упомянутую книгу Раковского). Этот крик солдата белой армии лучше всего указывает понимание им лицемерия буржуазии, заявляющей, что она якобы воюет за интересы всего народа, лучше всего обнаруживает разрыв фронта и тыла у белых.

За все три года гражданской войны, при самых тяжелых неудачах, мы не видели чего-либо подобного в красном тылу. Спайка красного фронта и красного тыла за все три года оставалась крепкой и тесной. Когда тылу приходилось голодно, армия напрягала усилия, чтобы послать в подарок ему маршруты с хлебом. Когда армия изнемогала в борьбе с высококвалифицированными полками Колчака и Деникина, тыл напрягал все свои силы, чтобы помочь армии. Не тот „официальный" тыл, на котором лежит прямая обязанность пополнять ряды армии и снабжать ее, а весь тыл в целом, все верные Советской власти рабочие и крестьяне. Именно эти огромные тылы, в лице уездных, волостных и сельских советов и комитетов деревенской бедноты, сумели, несмотря на чрезвычайное истощение нашей страны, дважды сформировать многочисленные кавалерийские эскадроны, пополнившие поредевшие ряды наших конных армий, сумели одеть (раздев себя) армии Южного фронта пред последним их наступлением на Врангеля.

Наши враги совершенно не в силах понять единства красного тыла и красного фронта,—единства, наиболее выпукло отражающего силу Советского строя, действительный его демократизм, дающий возможность самым широким слоям трудящихся принять непосредственное деятельное участие в строительстве пролетарского государства и пролетарской армии. Наши враги не раз предрекали гибель Советской власти наверняка через три недели, через три месяца, будучи глубоко убеждены в правильности своего расчета. И каждый раз они ошибались. Их совершенно правильные с буржуазной точки зрения расчеты рушились потому, что буржуазным аршином нельзя измерить Советскую Россию, буржуазным умом нельзя ее понять.

Единство красного тыла и красного фронта нашло также свое выражение в ряде партийных и профессиональных мобилизаций. Вся работа по строительстау пролетарского государства и Красной армии естественно падает целиком на сознательные слои пролетариата, в лице Коммунистической партии и профессиональных союзов. Весь аппарат Красной армии, все кадры ее управлений и частей полностью опираются на членов Коммунистической партии и профессиональных союзов. В такой крестьянской стране, как Россия, в эти кадры широким потоком вливается крестьянство. Русская Красная армия есть армия

рабоче-крестьянская и символизирует тесный, братский союз русского пролетариата, восставшего против помещика и капиталиста, с крестьянином, восставшим против помещика. Русская Красная армия есть армия пролетарская—по своим кадрам, крестьянская—по своему составу. Поэтому о кадрах приходится иметь особую заботу. Пополнение их может итти только за счет Коммунистической партии и профессиональных союзов. И это пополнение производится путем особых партийных и профессиональных мобилизаций. Партия и профессиональные союзы перестраиваются на военный лад, члены их становятся военнообязанными вне зависимости от общих мобилизаций. Отпадают всякие возрастные, семейные или иные ограничения. Это—совершенно новая форма партийной и профессиональной дисциплины, которая налагает военный отпечаток на всю их внутреннюю жизнь. Но иначе и не может быть в условиях гражданской войны. Когда вся страна объявляется единым „вооруженным лагерем", партия и союзы должны итти в первых рядах и показывать всей стране образец дисциплинированности и самоотверженности.

Армейские тылы в гражданской войне. Пролетариат, захвативший власть в свои руки, разбивает, разламывает аппарат буржуазного государства и начинает строить новый аппарат пролетарского государства. И первое, с чего ничинает пролетариат строить свой государственный аппарат, это—его классовая Красная армия. Но опыта строительства пролетарской Красной армии, которая во многом резко и существенно отличается от старой буржуазной армии, у него нет. И поэтому он нащупывает свою армию, он строит ощупью, нередко видит, что построено не так, как следует, ломает построенное и начинает строить заново.

Более всего этот процесс непрерывной постройки и перестройки можно видеть на тыловых учреждениях Красной армии, которые до сих пор, после трех лет войны, все еще не могут считаться отлитыми в законченную форму. Это относится прежде всего к аппаратам снабжения Красной армии, а затем к ее санитарному обслуживанию. В этой области не нам учить западно-европейских пролетариев, которые с этим делом справятся несравненно лучше и быстрее нас, и не западно-европейским пролетариям учиться у нас, так как наш опыт в этой области малопоучителен. Единственно, что нужно отметить, это то, что старая система самоснабжения армий посредством интендантских заготовок и закупки у частных производителей совершенно отброшена, как в корне противоречащая всему строю общегосударственного снабжения Советской России. В схеме общегосударственного снабжения, которое строится на началах социалистического производства и социалистического распределения, Красная армия рассматривается как крупный потребитель, имеющий преимущество первоочередности. Поэтому снабжение

Красной армии построено на началах строгого централизма, вследствие чего органы снабжения Красной армии независимы от военного командования и подчинены ему только в оперативном отношении. То же относится и к санитарии, правильная постановка которой на три четверти зависит от правильного снабжения.

Можно выразить полную уверенность, что западно-европейский пролетариат сумеет несравненно быстрее, чем русский, построить социалистическое хозяйство, а следовательно быстрее и правильнее наладить снабжение Красной армии.

В области снабжения белогвардейские правительства „срезались“ по всем пунктам. Бешеная спекуляция и полный развал производства, в том числе и военного,—вот картина постановки снабжения в белых армиях. Если бы не доброхотные даяния французских и английских ростовщиков и спекулянтов, то белогвардейские правители не в силах были бы обмундировать и вооружить ни одного солдата.

Из тыловых учреждений Красной армии необходимо отметить „Особые отделы“ для вылавливания белогвардейских шпионов и заговорщиков и революционные военные Трибуналы. Разъяснять роль и значение этих органов не приходится. О политических отделах мы поговорим ниже.

Революционные военные советы. В области управления армиями белое командование удовольствовалось формами управления, заимствованными из старой буржуазной армии. Совсем не то положение в Красной армии, которая изобрела новые, более высокие формы управления в лице революционных военных советов фронтов и армий и в лице обширного кадра комиссаров во всех управлениях и частях Красной армии.

Вопрос о комиссарах возник в связи с привлечением в ряды Красной армии на командные должности бывших офицеров. Вполне понятно, что пролетарская власть должна была внимательно наблюдать за их работой. Кроме того, введение института комиссаров при „военных специалистах“, как назвали бывших офицеров, должно было рассеять то естественное недоверие к бывшим офицерам, которое царило в красноармейских рядах. Подпись комиссара на каждом приказе служила гарантией, что тут нет измены.

Вскоре, однако, обнаружилось, что работа комиссаров захватывает несравненно большую область, чем наблюдение за военным специалистом. Тогда были образованы фронтовые и армейские революционные военные советы из одного командующего и двух (иногда трех) комиссаров. В основе работы военных советов лежало то же положение, что и в работе комиссаров: в вопросах оперативных комиссар должен подписать приказ командующего, если даже он несогласен с ним. В этом случае он имеет право обжаловать действия командующего в следующей инстан-

ции. Во всех остальных вопросах он имеет такой же голос, как командующий.

Нечего и объяснять, что в непосредственном управлении операциями должно быть полное единоначалие: военная история подтверждает это рядом примеров тех вредных последствий, к которым приводила коллегиальность оперативного управления —в форме ли постоянного института (напр., венского гофкригсрата, придворного военного совета), или в форме вмешательства со стороны и сверху, идущего от политических центров или от отдельных политических вождей. Такие попытки вмешательства бывали и у нас, особенно со стороны местных партийных организаций в тех городах, где находились армейские штабы. Недопустимость такого вмешательства, даже в область политической работы, была твердо установлена партией: армия, военные советы, политические отделы и партийная организация внутри армии были признаны экстерриториальными. Партия в лице съезда и центрального комитета устанавливает основы военной политики, следит за правильным их проведением, решает вопросы войны и мира, назначает и смещает членов революционных военных советов, но не вмешивается в ход стратегических операций и не берет на себя функций главнокомандующего, командующих фронтами и армиями. Тем более недопустимо предоставление каких-либо командных прав или права вмешательства во внутреннюю жизнь армии хотя бы и очень видным товарищам, раз они не занимают никаких постов в армии или же занимают очень неопределенные посты. Предоставление права вмешательства в оперативные вопросы и права отмены приказов членам Революционного Военного Совета Республики привело в свое время к тяжелым последствиям, вследствие чего это право пришлось отменить.

В конечном счете революционные военные советы фронтов и армий сложились как коллегиальные управляющие центры, в которых оперативная часть находилась в руках командующего, а политическая часть (политические отделы, особые отделы, трибуналы, агентурная разведка, сношения с местными гражданскими организациями)—в руках двух комиссаров. Все остальные вопросы, особенно вопросы снабжения и формирования, решались коллегиально. Большею частью, впрочем, бывало, что и оперативные вопросы обсуждались коллегиально. Решение, однако, оставалось за командующим. Сами командующие охотно шли на коллегиальность из-за страха ответственности.

Правильна ли эта форма управления? Этот вопрос не является решенным окончательно. Есть сторонники того взгляда, что теперь уже настала возможность перейти к единоначальной форме управления фронтами и армиями. Попытки такого перехода уже были сделаны. Эти попытки показали, однако, что момент перехода к единоличию не назрел еще полностью. При

единоначальных командующих пришлось ввести институт помощников по политической и административной части, т. е. в скрытой форме тот же военный совет, с теми же подразделениями его функций.

Существо дела заключается в том, что в условиях гражданской войны управление армиями несравненно, во много раз сложнее и труднее, чем в условиях „обычной“ войны. В „обычной“ войне имеется планомерно и заблаговременно организованная армия, имеется налаженный тыловой аппарат, имеется организованное государство. В гражданской войне ничего этого нет: армия организуется на полях сражений, тылы формируются на пустом месте, государственный аппарат находится в процессе непрерывного строительства. Законченных, отлитых форм нет, сферы компетенции не распределены, отношения не установлены. Ко всему этоту прибавляется еще всеобщий недостаток в предметах снабжения, который чрезвычайно осложняет обстановку. Тысячи организационных вопросов, вопросов формирования новых частей, улажения конфликтов с местными организациями, борьбы с восстаниями в тылу, политической работы в прифронтовой полосе и т. д. и т. п.,—тысячи вопросов, чуждых „обычной“ войне, в условиях гражданской войны буквально осаждают фронтовое и армейское командование. И одному человеку, будь он хоть семи пядей во лбу, особенно бывшему офицеру, военному специалисту, привыкшему работать „на всем готовом“, не вмешиваясь в „политику“, нет возможности справиться с ними. Если бы дело сводилось только к тому, чтобы воевать, управляя готовой армией, тогда единоличное управление было бы возможно. А в гражданской войне приходится не только воевать, но и строить одновременно армию и притом в сложнейших и труднейших условиях. Без коллегии тут не обойтись.

У нас было не мало примеров конфликтов внутри революционных военных советов. Причина их, однако, не в коллегиальности. В основе их лежало введение на некоторых фронтах „разделения труда“ между членами военных советов, причем число членов возрастало иногда до 6—8. Один ведал „политической частью“, другой—снабжением, третий—санитарией и чрезвычайной комиссией по борьбе с эпидемиями, четвертый—дровозаготовками, очисткой снега и вообще трудовым использованием армий. Кроме того, в качестве членов военного совета состояли представители Народного Комиссариата Продовольствия, Высшего Совета Народного Хозяйстваи особо уполномоченные по железным дорогам. Такое „разделение труда“ повело к почти полному и весьма вредному отделению функций одна от другой. Единство управления исчезло. Это и было источником конфликтов, так как объединять функции было некому, ибо, конечно, не командующий, бывший офицер, способен был бы их объединить. Были все пальцы, но не было руки.

Вместо единой коллегии возникла междуведомственная комиссия на сеймовых началах.

Весь этот многообразный опыт говорит, что революционные военные советы являются и должны являться „коллективными командующими", которые объединяют **всю** работу управления армии **в целом**. Все члены военного совета совместно ведают всем делом управления. Только оперативная часть выделяется в самостоятельное ведение командующего, который, если он коммунист, участвует и в политической части работы. Такой военный совет не должен и не может быть многолюдным: три, а иногда всего два члена. Комбинация из способного, энергичного и честного военного специалиста, из способного, энергичного и тактичного коммуниста (или двух) может великолепно сработаться и представлять единого командующего. Или, как это формулировал теперешний главнокомандующий тов. Каменев: „Только удачное сочетание коммуниста и генштабиста (офицера генерального штаба) дает все 100% командования".

Вопрос о революционных военных советах и о переходе к единоначальному командованию не есть, следовательно, принципиальный вопрос. Если найдется такой командующий, который сочетает в себе хорошего коммуниста и хорошего генштабиста и сумеет единолично справиться со сложнейшей задачей управления армией в гражданской войне, то такой единоличный командующий, конечно, лучше „коллегиального командующего" (военного совета). К сожалению, в русских условиях таких товарищей почти не видно. Может быть, западно-европейский пролетариат окажется счастливее нас.

Комиссары в Красной армии. По сущности своей работы комиссары Красной армии не отличаются от членов революционных военных советов. Только круг их деятельности сверху вниз все более суживается: дивизионные, бригадные и полковые комиссары. Военные советы при дивизиях, бригадах и полках не привились. В этих частях имеется только по одному комиссару, находящемуся при соответствующем командующем. Иногда, комиссары имеют помощников по политической части. Роль комиссаров во фронтовых частях огромна и именно потому за три года гражданской войны, несмотря на неоднократные попытки, не удалось составить общего положения о комиссарах. Функции комиссара всеобъемлющи, полномочия огромны, права почти неограничены, кроме только права решать оперативные вопросы. Кроме политической, снабженческой и строевой работы, на комиссаре лежит обязанность сражаться, давая своей части пример мужества и самоотверженности. Иногда, по соглашению с командующим, ему приходится принимать на себя командование частью сил. А потому некоторая военная подготовка ему необходима. У нас эта военная подготовка получалась непосред-

ственно на практике. Западно-европейские товарищи имеют возможность заранее приготовить кадр комиссаров будущей Красной армии, достаточно знакомых с военным делом.

В несколько иных условиях протекает работа штабных комиссаров, находящихся в тыловых учреждениях (штабах и управлениях). Здесь на первом месте стоит бдительность, так как штабы и управления—наиболее привлекательное для неприятельских шпионов место. Измена и предательство, как это не раз было установлено за три года гражданской войны в России, более всего гнездятся в штабах. От штабных комиссаров требуется также бдительность за точным и быстрым исполнением приказов и приказаний.

Политические отделы в Красной армии. Русская Красная армия, как это выяснено выше, есть рабоче-крестьянская армия с огромным преобладанием крестьянства. Крестьянство неоднородно в своей массе. на ряду с крестьянской беднотой, которая беззаветно идет за пролетариатом, и деревенским кулачеством, ненавидящим пролетарскую диктатуру, большинство русского крестьянства состоит из среднего, мелкобуржуазного слоя, имеющего свое хозяйство и не эксплоатирующего рабочей силы. Этот мелкобуржуазный слой, как мы уже знаем, колеблется между кулаком и пролетарием. Поэтому требуется неустанная политическая работа в Красной армии для постоянного разъяснения целей и значения гражданской войны, подчеркивания угрожающей крестьянству опасности в случае победы помещиков, ознакомления с сложной международной обстановкой и политикой Советского правительства, а также с многочисленными вопросами внутренней жизни Красной армии. Весьма вероятно, что грандиозная постановка политической работы в Красной армии—русская особенность и что в западно-европейской Красной армии не потребуется такого сильного нажима в этом деле, как у нас. Но поскольку и там в Красную армию войдут отсталые слои пролетариата и часть крестьянства, политическую работу в Красной армии ставить придется.

Русская Красная армия превратилась в колоссальную школу политической грамоты. (И не только политической: приходилось начинать с азов, в виду огромного процента безграмотных среди крестьян-красноармейцев). Политические отделы фронтов, армий, дивизий, бригад представляют собой обширную организацию, имеющую свои разветвления в ротах (политический руководитель роты) и ведущих культурно-просветительную и политическую работу в красноармейских клубах, в школах грамоты, в партийных школах, в театрах и кинематографах, посредством лекций, собеседований, газет, брошюр, листовок и т. д. Для выполнения всей этой работы они снабжены обширным аппаратом. Весь этот аппарат имеет централизованное управление в

виде политического управления республики, непосредственно подчиненного Ц. К. партии.

Отношения между революционными военными советами фронтов и армий и соответствующими политическими отделами установились в форме подчинения политических отделов революционным военным советам. Политические отделы фронтов и армий находятся на положении отдельного управления, которое, на ряду с другими отдельными управлениями (штаб, управление снабжения, санитарное управление и пр.), подчинено революционному военному совету. Только в области снабжения (литературой, учебными пособиями, театральным имуществом и т. п.), в области инструктирования (методы постановки политической и культурно-просветительной работы в Красной армии) и, наконец, в области пополнения политическими работниками политические отделы непосредственно подчинены политическому управлению республики.

Комиссары обычно предлагаются или намечаются политическими отделами, где сосредоточен полный учет всех политических работников Красной армии, и утверждаются революционными военными советами. В силу этого комиссары непосредственно подчинены революционным военным советам и не могут получать приказов или приказаний по линии своей работы от политических отделов, которым они все же подотчетны.

На-ряду с учетом и распределением политических и культурно-просветительных работников в армии и постоянным инструктированием и руководством работой низших (дивизионных, бригадных и т. д.) политических отделений, одной из главнейших работ политических отделов является составление на основании телеграфных донесений политических сводок, характеризующих общее политическое состояние части (дивизии, бригады, полка, специальных войск), ее боеспособность, дисциплинированность, отношения между командным составом и красноармейцами, обеспеченность части снабжением, санитарное ее состояние и, наконец, постановку политической и культурно-просветительной работы. Эти сводки не должны ограничиваться общими бессодержательными фразами, в роде: „настроение части хорошее“, „снабжение поставлено плохо“ и т. п. Они должны давать конкретные факты и точные цифры, для чего необходимо разработать единообразную форму этих сводок.

Наконец, в ведение политических отделов входит и постановка партийной работы внутри Красной армии.

Партийные организации в Красной армии. Гражданская война есть война классовая, а потому партийная. О беспартийной армии в гражданской войне не может быть и речи. Но из этого никак не следует, что Красная армия может быть непосредственно управляема партией в лице местных партийных органи-

заций или Ц. К. партии. Здесь допустим лишь контакт, согласование работы, а не подчинение. Иначе оказалось бы, что Красная армия подчинена не революционным военным советам и не политическим отделам, а кому-то другому, стоящему вне Красной армии. Покушения, делавшиеся местными партийными организациями в этом направлении, показали, что ничего, кроме вреда, такое положение принести не может.

Партийные организации в Красной армии являются замкнутыми и по своей собственной линии подчиняются только центральному комитету Коммунистической партии. Эта линия идет через политические отделы, в которые партийная работа входит как часть политической работы.

В основе партийной организации лежит партийная ячейка роты, полка, штаба, управления,—словом такой части военного аппарата, которая сосредоточена в одном месте. Объединяются ячейки путем конференций при политических отделах, более или менее регулярно созываемых. На комунистических ячейках лежит вся партийная работа в данной части или в данном учреждении.

Если партийные организации, стоящие вне Красной армии, не могут претендовать на непосредственное управление Красной армией или отдельными ее частями, то тем менее допустимо, чтобы партийная организация внутри Красной армии брала на себя управление ею. Управление армией принадлежит революционным военным советам и подчиненным им начальникам и командующим совместно с комиссарами при них. Если бы даже все члены военных советов, начальники и командующие были коммунистами, то из этого не следует, что военные советы являются партийными организациями. Их задача—управление армией, а не партийная работа, и в этой своей задаче они являются „беспартийными". А задача партийных организаций внутри Красной армии—вести партийную работу, а не командовать армией. Нечего и говорить, к какому невероятному разложению армии повело бы создание внутри ее второй линии управления или подчинение революционных советов и политотделов партийным ячейкам. Центральный комитет партии не только категорически воспретил вмешательство партийных организаций внутри Красной армии в ее управление, но почел вместе с тем необходимым изменить строй партийных организаций внутри Красной армии и построить их на началах назначения и военного подчинения. Начальники политических отделов не избираются партийными организациями, а назначаются центральным комитетом. То же относится и к членам революционных военных советов. Комиссары не избираются, а назначаются революционными военными советами. Приказы политических отделов должны выполняться ячей-

ками на основах военной дисциплины. Чтобы быть примером дисциплины для красноармейских масс, коммунисты должны прежде всего внести военную дисциплину в свои собственные ряды.

К X партсъезду, в связи с окончанием войны, в некоторых партийных кругах в Красной армии возникло течение, направленное к полной перестройке партийной организации внутри Красной армии по образцу гражданских партийных организаций, т.-е. с выборными партийными органами в бригадах, дивизиях, армиях, округах и фронтах. Объективно это течение вело к образованию внутри Красной армии самостоятельной партии (РКП Красной армии), что, понятно, совершенно недопустимо и не допускалось партией не только в армии, но и, напр., в профсоюзах. С другой стороны, появились течения, направленные к ликвидации самостоятельной партийной организации в Красной армии и к полному слиянию их с местными партийными организациями. Оба эти течения были решительно осуждены X-м съездом, принявшим постановление о сохранении политаппарата Красной армии в его теперешнем виде, при условии тесного контакта с местными парторганизациями и с Главполитпросветом.

Заключение. На долю русского пролетариата выпала совершенно исключительная, ни с чем несравнимая по трудности задача: в отсталой, со слабо развитой ж.-д. сетью и промышленностью, разрушенными к тому же империалистической войной, крестьянской стране, воюя против всего мира, выдерживая первый, наиболее свирепый натиск международной контр-революции,—приступить, не имея никакого опыта, к строительству хозяйственной жизни на социалистических началах и в то же время, впервые в истории, без всякого предыдущего опыта,—к строительству социалистической Красной армии. В течение трех лет русский пролетариат не без успеха справляется с этими двумя задачами, истекая кровью и надрываясь на боевом и трудовом фронтах. Этот факт настолько разителен, что кажется невероятным чудом, фантастической сказкой. Революции всегда бывали богаты чудесами, источник которых таился в революционной энергии и в революционном энтузиазме пробужденных к новой жизни народных масс. Но только социалистическая революция есть действительно такая революция, которая дает революционной энергии и энтузиазму рабоче-крестьянских масс ничем не ограниченный простор.

Если слабый русский пролетариат в отсталой крестьянской стране в общем и целом справился с этими двумя задачами и три года продержался против объединенных сил мирового империализма, то ясно, что сильный, организованный западно-европейский пролетариат в культурных странах, где даны ма-

терна.ьные предпосылки для строительства социализма, справится с ними во много раз быстрее и лучше.

Это однако нисколько не избавляет западно-европейский пролетариат и коммунистические партии от обязанности теперь же начать подготовительные работы к строительству будущей Красной армии. Изучение военного дела, ознакомление с опытом гражданских войн, выработка кадров будущего красного командного и комиссарского состава,—вот очередная практическая задача, стоящая пред европейским пролетариатом, как задача сегодняшнего дня.

Буржуазия готовится к будущим битвам гражданской войны. Пусть готовится и пролетариат! Иначе его будущие победы достанутся ему черезчур дорогой ценой, иначе он в процессе развития социалистической революции потерпит много излишних поражений, иначе гражданская война, несущая с собой чрезвычайное хозяйственное истощение, затянется на слишком долгий период. Социалистическая революция в условиях вызванной империалистической войной огромной разрухи промышленности и транспорта поневоле вынуждена поставить вопрос о наибольшей экономии сил и средств. Победа должна быть куплена наиболее дешевой ценой. Отчаивающаяся в победе буржуазия сознательно разрушает накопленные веками материальные ценности только для того, чтобы не отдать их в руки пролетариата и до крайности затруднить осуществление социалистического строя. Это видно на примере русской буржуазии, классовые армии которой при отступлении производили колоссальные бессмысленные разрушения, затопляя пароходы, уничтожая средства транспорта, разрушая незаменимые части машин, взрывая фабрики и заводы, уничтожая запасы продовольствия.

Единственное средство сократить период гражданской войны и сделать социалистическую революцию более „дешевой", это — достичь решающей победы в кратчайший срок. А для этого нужно теперь же приступить к подготовке всех составных частей будущей регулярной Красной армии по заранее обдуманному точному плану.

Эта задача ложится на передовой революционный отряд пролетариата—на коммунистические партии. Задача трудна, но кто идет на социалистическую революцию, тот должен быть готовым и на еще большие трудности.

Р. С. Ф. С. Р. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

при

РЕВОЛЮЦИОННОМ ВОЕННОМ СОВЕТЕ РЕСПУБЛИКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва * 1921.

5

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00041373520